

растянутый стих так же гибок и естественен в своем течении, как терцины «Божественной комедии».

Смею утверждать, что Агриппа д'Обинье создал едва ли не единственный образец документального эпоса и, возможно, наиболее значительную эпическую книгу на французском языке. При внимательном чтении «Трагических поэм» обнаруживаешь, что они являют некую энциклопедию того времени и становятся для нас важным историческим документом эпохи, чего не достигали в своем контексте стихи таких прекрасных французских поэтов, как К. Маро, П. Ронсар, Ж. Дю Белле, Э. Жодель и соратник Агриппы, поэт-гугенот Г.-С. дю Бартас, писавший эпические поэмы, близкие д'Обинье по мироощущению.

Помимо стихов и романов д'Обинье оставил нам один замечательный прозаический документ. Это автобиографические записки, названные автором «Жизнь Агриппы д'Обинье, рассказанная им его детям». Это живой рассказ, который ведется от третьего лица, где рассказчик себя именует «господином Обинье». Здесь, как и в стихах и в художественной прозе, на каждом знаке препинания, каждой строке лежит отпечаток удивительной природы автора. По выразительности записки можно было бы сравнить с «Жизнью Бенвенуто Челлини», а в русской литературе с «Житием протопопа Аввакума». Автор ведет рассказ внешне бесстрастно, с изрядной долей самоиронии, он повествует о своей жизни с рождения до глубокой старости, о невзгодах, разочарованиях, радостях и тяготах войны, о придворных интригах и политических страстях. Точны скупые характеристики исторических лиц, которые были друзьями и личными врагами д'Обинье. Живость рассказа вызывает сочувствие и часто улыбку. К примеру, вот рассказ о побеге мальчика на войну: «Затворник, одежды которого каждый вечер уносили к опекуну, спустился через окно на простынях в одной рубаше, босой, перескочил через две стены и у одной из них чуть не упал в колодезь; потом у дома Ривру догнал товарищей, с удивлением увидевших, как человек в белом с криком и плачем бежит за ними: его ноги были окровавлены. Капитан Сен-Ло сначала пригрозил ему, чтобы заставить вернуться, но потом посадил в седло за собой, подложив грубый плащ, чтобы он не поцарапал себе зад пряжкой наспинного ремня». В другом месте записок говорится о том, как, вернувшись после многих боев домой, он был объявлен самозванцем, ибо прошел слух о его гибели. С ним судились его дальние родственники за отцовское наслед-